

СЕРГЕЙ
ИВАНОВ
ПРОТИВО
РЕЧИЯ

ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2016

Вероника

Темнота иссякает катастрофически быстро. Сначала все вокруг наполняется сдержанным гулом неумолимо надвигающегося рассвета. Наполненная водянисто-молочным маревом, редеет и сворачивается ночь. Столбик термометра, словно очнувшись после очередной летаргии, бездумно тянется вверх. Неслышный, но четко ощутимый гул нарастает, и спустя мгновение наступает кульминация. Солнечный диск, еще более безжалостный и раскаленный, чем накануне, стремглав возносится в зенит, и город тотчас покрывается огромными рваными стигматами, сквозь которые сочится киселистое, бесноватое лето.

Медленно, как в рапидной съемке, улицы заполняются невыспавшимися, отрешенными людьми. Ты без труда вклиниваешься в пыльный человеческий поток, увязаешь в нем, целиком подчиняешься его воле. Дальше — механика: приветствия, улыбки, рукопожатия. Большого от тебя и не требуется.

И вот, пока твой персональный голем прочно держит связь с другими пустотелыми исчадьями гражданственности, ты вдумчиво и неспешно перебираешь ворох обрывочных воспоминаний, неразрешенных вопросов и непреодоленных противоречий.

***

Вероника — моя одноклассница, и она выглядит старше своей матери.

Если учесть, что ее мать приблизительно одного возраста с моими родителями, то в свои тридцать шесть Вероника давно перешагнула стереотипические шестьдесят. Я не знаю точно, что именно помогло ей так ускорить свою жизнь: водка, «винт» или регулярный стресс, однако, судя по ее основательно развороченному фасаду, без первых двух факторов дело точно не обошлось.

Мать Вероники живет в соседнем дворе, и я часто вижу ее. Она мало изменилась с тех пор, когда приводила свою неизменно опрятную, наглаженную и музыкально одаренную дочь-отличницу в школу, — все такая же осанистая, крупная женщина нордического типа. Она словно застыла во времени, и однажды я подумал, что некая компенсаторная взаимосвязь между родителями и детьми мало того что существует, но и работает в обоих направлениях. Поэтому если кто-то из них решает умереть — от блажи или по веской причине, кто-то обязательно должен жить вопреки времени, логике и необратимым процессам в организме.

Где живет Вероника, я не знаю. В любом случае, непохоже, чтобы она по-прежнему жила с матерью. Я делаю ставку на теплотрассу — это достаточно популярное место среди людей ее стиля, классика.

Долгое время, завидев ее перекошенный, словно раскачиваемый невидимым внутренним маятником силуэт, надсадно тянувшийся от одного мусорного бака к другому, я нарочно пытался выбрать направление движения, не пересекающееся с ее траекторией, тем более, что Вероника редко выходила на промысел в одиночестве, а перспектива публичного обмена приветствиями с коллективом похмельных бичей откровенно угнетала меня, и даже не спрашивайте почему.

Но однажды нам все-таки пришлось пообщаться. Я битый час вежливо и безучастно выслушивал от мест-

ной ЖКХ-активистки очередную порцию бреда, не без удовольствия рисуя в воображении картины ее механического удушения, с последующим расчленением трупа и ритуальным развеиванием праха над канализационным колодцем. И когда, перехватив инициативу в секундной передышке между тирадами и сжато попрощавшись, я уже почти скрылся за массивной металлической дверью подъезда, меня позвали. Я обернулся и увидел Веронику. В сумерках она казалась утопленницей — те же глаза с неестественным выкатом, набрякшие, словно разорванные губы — одутловатая, синюшная, испитая.

— Привет, Сереж.

— Привет, Вика.

— А ты здесь живешь?

— Давно.

— Понятно.

Я не уходил, и она, видимо, не ожидая этого, на мгновение зависла. Я ждал. Наконец она, будто стряхнув с себя оцепенение, тихо спросила:

— У тебя случайно нет сигарет?

— Случайно есть, — я вынул пачку и протянул ей. —

Бери всю.

— Спасибо.

— Да не за что.

Она выцарапала из пачки сигарету и начала шарить по бессчетным складкам своей куртки-хламиды. Я вынул зажигалку, дал прикурить. Она несколько раз нервно, глубоко затянулась, затем на выдохе атонально бросила:

— Как дела?

— По-разному.

— Дети есть?

— Сын.

— Сын — это хорошо.

— Это лучше, чем хорошо.
— Ну да.
— Ты как?
— Ты же видишь.
— Вижу. Деньги нужны?
— Ну... — она замялась, — займи. Сейчас период такой, сам по...

— Понимаю, — оборвал я ее, — и если честно, мне, в общем-то, похуй, какой у тебя сейчас период, — как и последние двадцать лет, что мы не виделись. Я все понимаю. На вот, возьми полтинник — больше не могу.

Мы замолчали. Каждый сверлил взглядом свою собственную пустоту, чтобы не поднимать глаз. У меня не было ни единой причины продолжать разговор, у нее — и того меньше. Активистка, застыв с открытым ртом, стояла в паре метров от нас, наблюдая сцену столь длительного общения вечно занятого и, в принципе, благополучного жильца с местной синявкой.

— Спасибо, Сереж.
— Да брось. На «системе»?
— Нет. Давно.
— Значит, синька?
— Бывает. Да.
— У всех бывает.
— А ты? Работаете?
— Приходится.
— Кем?
— Долго объяснять. Если по сути, то проституткой.
— Это как?
— Ты не знаешь, как работают проститутки? Приезжаю, делаю дело, забираю деньги, отваливаю.
— Все шутишь.
— Хотелось бы.
— Платят хорошо?